

Ляо Ляо дважды всхлипнул, а затем завыл.

Это было очень странно, покойный император отдал много приказов убить людей в этом суде, но эти люди даже не просили пощады, когда их утаскивали.

У некоторых присутствующих на лбу выступил холодный пот, и они содрогаясь упали ниц.

Словно сомкнулась психологическая оборона остальных, всё больше и больше людей встали на колени.

Те, кто всё ещё стояли, на некоторое время оказались в особом положении.

Шэнь Минхуань усмехнулся, Чэнь Сяою всё понял, с жалостью взглянул на Ляо Ляо и, держа лицо, встал за спину Шэнь Минхуаня.

У Ляо Ляо волосы встали дыбом, и он сильнее сжал руки.

Чэнь Синь изо всех сил пытался вырваться, но у него не получилось, и он пристально посмотрел на него с отвращением.

«Разве так не будет лучше?» — тихим голосом произнёс Шэнь Минхуань. Он встал и повернулся лицом к людям, стоявшим на коленях за ним: «Теперь вы можете сделать это?»

«Да, да, да», — Ляо Ляо плакал и непрерывно повторял: «Да».

Лица коленопреклонённых замерли. Мерзкий Ляо Ляо, который так быстро показал свою преданность в это время, хотел ли он, чтобы у Шэнь Минхуаня сложилось ещё более негативное мнение о них?

В тот момент им было всё равно, страх отошёл на второй план, и они заговорили один за другим:

«Не волнуйтесь, Ваше Величество, у меня просто внезапно возникла мысль. После следующего заседания суда я попрошу у господина Чэнь совета».

«Да, да, я оправдаю большое доверие принца».

«Позже я спрошу совета у господина Чэня».

«...»

Шэнь Минхуань удовлетворённо кивнул: «В будущем этот король будет давать вам приказы, и вы тоже должны им подчиняться, верно?»

«Да, да».

«Этот король хочет внедрить систему равного распределения земель, вернуть земли Императорскому двору, а затем передать их народу для обработки. Вы тоже должны поддержать это?»

«Не будет ли это...?»

Кто-то дрожащим голосом спросил: «Ваше Величество, Ваше Величество, Вы имеете в виду уравнивание земель?»

«Совершенно верно», — любезно добавил Шэнь Минхуань: «Это то, что Вы думаете, система равных земель предыдущей династии».

«Это... Ваше Высочество, не могли бы Вы ещё немного об этом подумать?»

Коленопреклонённый смело сказал: «Раз уж предыдущая династия не смогла это реализовать, значит, у этого уравнивания земель есть недостатки. Как же я, Даци, могу пойти по стопам предыдущей династии?»

«Пожалуйста, Ваше Величество, учитесь на истории и планируйте на перспективу».

Это всё по части императорского экзамена. Даже если их потомки не пойдут по этому пути, у них всё равно будет возможность начать служебную карьеру. Максимум, что они упустят, это один шанс заработать деньги, что очень жаль.

Но цзюньтянь они абсолютно не могут принять.

Потому что они — у себя дома! Дома, в самом деле!

Шэнь Минхуань был впечатлён смелостью говорившего.

Он медленно подошёл к этому человеку, а Чэнь Сяюю последовал за ним по пятам.

«Ва-Ваше Величество».

Шэнь Минхуань добродушно произнёс: «Да», «Как Вас зовут?»

Коленопреклонённый человек немного отступил, чувствуя себя неловко: «Я — министр внутренних дел, Лу Пэй».

«О, оказывается, это вы». Шэнь Минхуань внезапно поднял руку и под крайне испуганным взглядом Лу Пэя поправил его рукава.

Лу Пэй сделал глубокий вдох, от резких эмоциональных колебаний его взгляд был слегка затуманен. Он схватился за грудь, всё его тело было в поту, словно его только что вытащили из воды.

Однако, как только он расслабился, Шэнь Минхуань со звоном вытащил меч Чэнь Сяюю, его глаза наполовину улыбались, но улыбки в них не было.

«Мин Хуань, остановись!» — встревоженно встал Ло Сююань.

Он не смог остановить Шэнь Минхуаня, когда умер Сюэ Хуай, и он не мог сидеть сложа руки и смотреть, как на этот раз этот человек совершает большую ошибку.

Неважно, насколько тяжкими были преступления Ляо Ляо и Лу Пэя, и заслуживали ли они того, чтобы быть разорванными на куски, они не должны погибнуть от руки Шэнь Минхуаня.

У Лу Пэя снова упало сердце, и даже его дыхание учащённо. Его глаза были прикованы к лезвию меча, а зрачки от страха внезапно расширились.

С трудом сглотнув, он заставил себя улыбнуться и с трудом сказал: «Ты не посмеешь меня убить. Если убьёшь меня из-за системы уравнивания земель, то настроишь против себя богатую знать мира. Сколько ты сможешь продержаться на плаву?».

Словно набравшись смелости от произнесённых слов, Лу Пэй поднял голову и, взглянув поверх Шэнь Минхуаня, обратился к Чэнь Сяюй: «Господин, зачем вам жертвовать своей жизнью ради него? Шэнь Минхуань хочет раздать земли неприкасаемым. Что вам с того, что вы рискуете ради него жизнью? Ничего же в результате не получите?»

Земля имеет особое значение для народа Даци, и ничто не приносит им большего чувства безопасности, чем сельскохозяйственные угодья. Присоединится ли он к армии, станет ли чиновником или займётся бизнесом — конечная цель — купить как можно больше земли для своей семьи.

Поэтому, если Шэнь Минхуань захочет осуществить уравнивание земель, он не просто станет врагом богатой знати? Он наживёт себе врагов по всему миру.

Чэнь Сяюй холодно посмотрел на него и, сложив кулаки, обратился к Шэнь Минхуаню: «Господин, прошу позволить мне подержать меч для вас!»

«Замолчи». Ло Сююань волновался, но Чэнь Сяюй всё равно нарывался на неприятности. Он тут же стал волноваться ещё больше из опасения, что Шэнь Минхуаню и вправду свернут мозги, встал и собрался уйти с трибуны: «Минхуань, опусти меч!»

Возможно, именно поведение Ло Сююаня внушило Лу Пэю уверенность. Он посчитал, что ему ничто не угрожает, и собрался придумать оправдание, чтобы указать Шэнь Минхуаню на выход из положения, чтобы поскорее покончить с этим вопросом.

Размышляя об этом, он внезапно краем глаза уловил проблеск холодного света, за которым последовало брызги чего-то ярко-красного.

Лу Пэй немного растерялся, что это?

Только потом он осознал острую боль. Опустив голову, он понял, что потерял много крови.

«Ты... за что...?» В момент смерти Лу Пэй неожиданно понял, что не испытывает ненависти, но готов был засыпать вопросами: «Как... смеешь?»

Как ни странно говорить это, но этот человек одновременно и предатель, гонящийся за властью и узурпировавший трон, и человек, исполненный почтительного благоговения и праведности, готовый служить стране и народу. Но если этот человек посвятил себя Да Ци, он явно подавил императора и прибегнул к столь радикальным мерам для проведения реформы.

Чем он пользуется, чтобы доносить правду? Что вы можете сделать, чтобы утихомирить гнев людей мира? Что можно сделать, чтобы восстановить престиж императорского двора?

Что можно сделать, чтобы устранить скрытые опасности, кроющиеся за этим?

Лу Пэй не дождался ответа от Шэнь Минхуаня. До последней секунды перед тем, как потерять сознание, он думал:

— Этот человек действительно готов отказаться от всего.

«А!»

Кто-то вскрикнул и быстро закрыл себе рот.

Стоящие на коленях придворные трепетали и не решались двинуться.

Дело не в том, что они не хотели бежать, но на них угрожающе смотрел Чэнь Сяюй, и их ноги были слишком слабы, чтобы даже встать.

Ло Сююань тоже был потрясён и гневно сказал: «Шэнь Минхуань!»

Он быстро подошёл к Лу Пэю, наполовину присел и протянул руку, чтобы проверить дыхание другого человека, «Идите сюда, зовите императорского врача!»

«Не кричите, под моим мечом не остаётся в живых». Шэнь Минхуань вернул меч Чэнь Сяюю, внимательно осмотрел манжеты, чтобы убедиться, что они по-прежнему белые и безупречные, и удовлетворённо кивнул.

Ло Сююань сердито встал: «Ты что, спятил? Я тебе сказал остановиться, почему ты не слушал?»

Цюй Чжэнчэн держался за грудь и чуть не упал в обморок.

Не только он, но и другие ветераны выполнили те же действия.

Шэнь Минхуань сказал, что у него был способ заставить этих людей согласиться, но он не говорил, что это будет именно так! Действительно, мертвец не может возражать, но...

Цюй Чжэнчэн чуть не подпрыгнул и не принялся дёргать Шэнь Минхуаня за уши, спрашивая: «Но как ты посмел!»

Император и регент вступили в конфронтацию. Новость дошла до ушей Чан Мао, который патрулировал дворец, и автоматически превратилась в: «Император и регент дерутся».

Как только Чан Мао узнал эту новость, он привел группу охранников в зал.

В воздухе ощущался запах дыма. Ло Сююань и Шэнь Минхуань смотрели друг на друга, не уступая, ни один из них не выглядел хорошо.

Чан Мао был так встревожен, что даже не заметил, что на земле лежит ещё один труп. Он встал перед Ло Сююань и осторожно вытащил длинный нож из-за пояса.

«Чан Мао!»

У Ло Сююань разболелась голова. Он потянул Чан Мао за собой. Он был невероятно серьёзным и торжественным, с ноткой сдерживаемого гнева: «Тебе не разрешается ни при каких обстоятельствах направлять кончик ножа в сторону Мин Хуаня. Это приказ. Слышал?»

Чан Мао возмутился: «Но он хочет причинить тебе вред».

«Это запрещено!» — редко и грубо крикнул Ло Сююань. Увидев, что собеседник упёрся и отказывается уступать, он беспомощно вздохнул: «Мин Хуань не собирался причинять мне вред».

Шэнь Минхуань проигнорировал их. Он не был ни разгневан оскорблением Чан Мао, ни тронут

заступничеством Ло Сююань.

Он равнодушно взглянул на министра, который, сжавшись в комок на земле, как перепёлка, спрятал шею, и усмехнулся: «Кто ещё считает, что этот король не посмеет убивать людей?»

В зале повисла тишина, и даже Ляо Ляо стиснул зубы и отказался говорить снова.

Хотя тело Лу Пэя ещё оставалось холодным, а кончик носа наполнял запах крови, никто не лебезил, говоря: «Цзюньтянь хорош, Цзюньтянь чудесен».

Действительно странно, что они хотят быть преданными министрами, которые предпочтут умереть, чем сдать ради своей семьи, но не понимают принципа «и процветания, и потерь», который привёл Да Ци в беспорядок.

Ло Сююань проигнорировал Чан Мао. Он сделал шаг вперёд и подошёл к Шэнь Минхуаню. Это было очень опасное расстояние, а также расстояние, которое подразумевало доверие.

Ло Сююань поджал губы и позвал с ноткой мольбы: «Мин Хуань, остановись, не продолжай».

Цюй Чжэнчэн когда-то считал Шэнь Минхуаня уникальным гением и могущественным соперником, с которым он не мог сравниться. Кто бы мог подумать, что у этого человека будет такой неподходящий момент.

Как только он собрался с мыслями, он сразу попытался остановить его. Цюй Чжэнчэн низко поклонился, чувствуя, что никогда в жизни не был таким искренним: «Мой господин, подумайте ещё раз».

Ляо Ляо был абсолютно бесстрастным. Он увидел, что император и важные министры выступают против Шэнь Минхуаня. Он не знал, откуда у него взялась смелость спросить: «Ваше Величество, Шэнь Минхуань публично убил господина Лу. Доказательства неопровержимы, и он нарушил наш закон Даци. Вы его не накажете?»

«Заткнись!» — одновременно крикнули Ло Сююань, Цюй Чжэнчэн и Лу Чжи.

Они никогда не видели, чтобы кто-то так искал смерти.

Как человек с таким коэффициентом интеллекта смог выжить при дворе до сих пор?

Ляо Ляо втянул шею и снова спрятался за Чэнь Синем.

Шэнь Минхуань посмотрел на умоляющие и нервные глаза нескольких людей и улыбнулся: «О

чём вы так беспокоитесь? Конечно, я не убью их всех, и оставлю их для Чэнь Синя, чтобы он подготовился к императорскому экзамену».

С тёплой улыбкой он неторопливо сказал: «Я полагаю, вы приложите все усилия, чтобы сделать это, не так ли?»

Никто не заговорил.

Увидев, что взгляд Шэнь Минхуаня становится всё более опасным, кто-то наконец дрожащим голосом ответил: «Да... да...»

«Очень хорошо».

Шэнь Минхуань милосердно простил их неровные и необоснованные обещания. Он вздохнул и серьёзно «увещевал»: «Вы должны знать, что я держу вас, потому что вы всё ещё полезны, так что вам лучше продолжать оставаться полезными».

<http://tl.rulate.ru/book/108792/4038647>